

*Посвящается моему отцу Дэвиду Френчу и моей матери Елене
Хвостофф-Ломбарди*

*Наверное, это просто чей-то противный черный пудель.
Но мне всегда было интересно...
Что, если это на самом деле был Он
и Он решил, что я не достоин?*

Тони Кушнер “Светлая комната, что зовется День”^[1].

Пролог

Представьте себе лето, словно слизанное с фильма о взрослении, который снят в пятидесятых где-нибудь в маленьком городишке. Это лето выбивается из череды ирландских годин, когда тучи и морозящий дождик, точно повинувшись капризам пресыщенного знатока, втискивают все оттенки в скудную акварельную палитру. Это лето – бескомпромиссное и чрезмерное, будто разлитое по шелку горячей синевой. Такое лето взрывается на языке вкусом жеваной травинки, твоего собственного свежего пота, печенья “Мария” с растаявшим на нем маслом, красного бутылочного лимонада – любимого напитка тех, кто прячется по шалашам на деревьях. Оно покалывает кожу ветром летящего велосипеда, лапками божьей коровки, что ползет по руке. Оно наполняет каждый вдох запахом скошенной травы и развешанного на веревках белья, оно звенит и откликается птичьим пением, жужжанием пчел, шелестом листвы, стуком футбольного мяча, посвистом скакалки и криками: “Раз! Два! Три!” Это лето бесконечно. Каждый день его начинается с мелодичных переливов из машины мороженщика и стука в дверь – это пришел твой лучший друг – и заканчивается долгими тягучими сумерками, когда в дверях появляется силуэт матери и та зовет тебя домой, а между черными деревьями с криками мечутся летучие мыши. Это Классическое лето во всем его великолепии.

Представьте небольшой аккуратный лабиринт из домиков на холме всего в нескольких милях от Дублина. Когда-то власти решили устроить из этого места образчик чудесной пригородной жизни, безупречную замену городской скученности, бедности и всяческим городским заразам, но сейчас там лишь пара десятков одинаковых двухквартирных домов – странные и неуклюжие, они выглядят относительно новыми. Пока власти пели про “Макдоналдсы” и многозальные кинотеатры, молодые семьи – те, кого тяготило съемное жилье с уборными на улице, о которых в Ирландии 1970-х упоминать не любили, те, кто мечтал о палисадниках и дорогах, где дети прыгали бы в классики, или те, чья зарплата учителя или водителя автобуса просто позволяла купить жилье не слишком далеко от города, –

покидали пожитки в пакеты для мусора и затряслись по ухабистой, местами поросшей травой и маргаритками колее к новой, как блестящая монетка, жизни.

С тех пор минуло десять лет. Зыбкие воображаемые магазины и дома культуры, что именовались инфраструктурой, так и не появились (время от времени мелкие политики распинаясь в палате представителей о сомнительных земельных сделках). Фермеры по-прежнему пасут по ту сторону дороги коров, а в ночной темноте проглядывают разве что скромные созвездия окон на соседних холмах, за землями, где когда-то обещали построить торговый центр и разбить маленький уютный парк, но где добрую квадратную милю и бог весть сколько сотен ярдов так и тянется лес.

Подойдем ближе, понаблюдаем за тремя детьми, что перелезают через хлипкую оградку из кирпичей и цемента, отделяющую лес от домов. В их фигурах кроется явное нежелание медлить, они стремительны и естественны, подобны легким аэропланам. Бледные “татуировки” на теле: молния, звездочка, огонек – все, как обычно, когда наклеишь на кожу вырезанную из пластыря картинку, а солнце позолотит вокруг нее загаром. Голова с копной светлых волос высовывается над оградой, нога ищет опору, колено упирается в стену – и на другую сторону, с глаз долой.

Лес – это трепет, шелест и мираж. Словно нарисованный пуантилистом, он складывается из миллиона звуков – шорохи, щебетанье, безымянные оборванные крики. Лесная пустота полна тайной жизни, суету которой замечаешь лишь краем глаза. Осторожней: из трещин в коре накренившегося дуба выползают пчелы; остановись, подними камень – и под ним встревоженно зашевелиятся чьи-то странные личинки, а усердные муравьи тем временем цепочкой обовьют тебе лодыжку. В разрушенной башне, в былые времена служившей кому-то оплотом, между камнями зеленеют стебли крапивы толщиной с руку, а на закате кролики вытаскивают из устроенных в фундаменте нор крольчат и играют с ними на древних могилах.

Лето принадлежит этим трем детям. Они изучили лес так же хорошо, как и рельеф собственных ободранных коленок. Завяжите им глаза и поместите в лесную лощину или на поляну – и они найдут дорогу домой, ни разу не заплутав. Это их территория, они правят ею с

безудержным великодушием, свойственным молодым животным; целыми днями напролет и по ночам, во сне, они пробираются между деревьями и играют в прятки в лесных оврагах.

Они переносятся в легенду, в рассказанные перед сном истории и ночные кошмары, о которых родители никогда не узнают. Они следуют по едва заметным тропинкам – таких тебе в одиночку ни за что не найти, они скатываются по разрушенным каменным стенам, оставляя позади, точно следы от кометы, эхо голосов и шнурки от ботинок. А на берегу реки – кто это ждет там, высунув руки из-за ивовых веток, чей смех раздается с качающегося дерева, чье лицо, нарисованное солнечным светом и тенями листвы, ты вдруг замечаешь боковым зрением в подлеске, а потом оно тут же исчезает?

Эти дети так и не повзрослеют, ни этим летом, ни другим. Август не станет уговаривать их найти скрытые силу и храбрость, чтобы посмотреть в лицо взрослой жизни со всеми ее печалью, мудростью и обязательствами. Это лето предъявит им другие требования.

1

Прошу учитывать, что я сыщик. Мои отношения с правдой основательны, но надтреснуты и, подобно расколотому стеклу, искажают действительность. В этом суть нашей деятельности, конечная цель каждого движения. Мы следуем стратегиям, целиком и полностью возвращенным на лжи, утаивании и всякого вида уловках. Правда – самая желанная дама в этом мире, а мы – ревнивейшие любовники, машинально отказывающие кому бы то ни было в счастье хоть одним глазком лицезреть ее. Увязшие во лжи, мы привычно изменяем ей, а затем возвращаемся к ней, размахивая неизменным флагом всех любовников: я поступил так из любви к тебе.

Я легко придумываю образы, особенно несложные, поверхностные. Не позволяйте мне обмануть вас, нарисовав картинку, на которой мы, эдакие “ласковые рыцари”, парами скачем за Госпожой Истиной на белой кобылице. По правде говоря, действуем мы непродуманно, глупо и отвратительно. Допустим, некая девушка обеспечивает своему парню алиби на тот вечер, когда он, согласно нашим подозрениям, ограбил торговый центр в Нортсайде и пырнул ножом сотрудника. Сперва я с ней кокетничаю – мол, оно и понятно, что с такой красоткой он решил дома остаться. У девицы сальные, обесцвеченные волосы, а сама она хилая и убогая – сказались поколения, пренебрегавшие правильным питанием. Будь я ее парнем, то с радостью отселился бы от нее, даже если бы пришлось делить камеру с волосатым громилой с погонялом Бритвак. Я говорю ей, что в его стильных белых кроссовках мы обнаружили меченые банкноты, и добавляю, что, по его словам, это она в тот вечер куда-то ходила, а вернувшись, отдала банкноты ему. Я произношу это очень убедительно, старательно имитируя одновременно неловкость и сочувствие из-за предательства ее возлюбленного, поэтому ее окрепшие за четыре проведенных вместе с этим парнем года чувства рассыпаются песочным замком, и (причем в этот момент парень ее сидит в соседнем кабинете и твердит моему напарнику: “Да пошел ты, мы с Джеки дома тусили”) девица, хлюпая носом, выкладывает все как на духу – начиная с той минуты, как он вышел из дома, и заканчивая тем, какой он лох в постели. Тогда я

участливо похлопываю ее по плечу, протягиваю ей салфетку и придвигаю стаканчик с чаем и бланк заявления для признательных показаний. В этом и заключается моя работа, а если вы по натуре своей не готовы принимать ее требования, работать вы здесь не станете, а если и станете, то выдержите недолго. Итак, прежде чем перейду к рассказу, прошу учитывать два момента. Я жажду истины. И я лжец.

* * *

Я ознакомился с документами по своему делу на следующий же день после того, как стал следователем. К этой истории я буду возвращаться снова и снова, рассматривать ее под самыми разными углами. Не повезло мне, зато дело это мое собственное, эта история – единственная в мире, которую не рассказать никому, кроме меня.

Четырнадцатого августа 1984 года, после полудня, трое двенадцатилетних детей – Джермейн (Джейми) Элинор Роуэн, Адам Роберт Райан и Питер Джозеф Сэведж – играли на дороге, проходившей возле их домов в крохотном поселке Нокнари в графстве Дублин. День выдался жаркий и безоблачный, местные сидели в палисадниках, и многие неоднократно видели, как дети залезают на стену в конце улицы, катаются на велосипедах и раскачиваются на подвешенной к дереву автомобильной крышке.

В те времена Нокнари был местом малонаселенным и граничил с лесом, который от поселка отделяла стена высотой пять футов. Часа в три дети оставили велосипеды перед домом Сэведжей и сказали миссис Анжеле Сэведж – та как раз развешивала белье для просушки, – что пойдут поиграть в лесу. Они туда часто бегали и хорошо знали эту часть леса, поэтому миссис Сэведж не боялась, что они заблудятся. У Питера имелись часы, и мать велела ему вернуться домой к вечернему чаю, то есть к половине пятого. Это подтвердила и живущая по соседству миссис Мэри Терес Корри, а по заявлениям многочисленных очевидцев, дети перелезли через стену и скрылись в лесной чаще.

Когда без четверти пять Питер Сэведж так и не появился, его мать опросила матерей двух других детей, предположив, что ее сын засиделся в гостях у кого-то из друзей. Оказалось, что никто из детей тоже не вернулся. Обычно Питер Сэведж родителей слушался, однако

родители пока не тревожились – они решили, что дети увлеклись игрой и забыли о времени. Где-то без пяти семь миссис Сэведж зашла в лес, не слишком далеко, и стала звать детей. Ответа не последовало, а судя по тому, что она видела и слышала, рядом не было ни души.

Она возвратилась домой, чтобы напоить чаем своего супруга, мистера Джозефа Сэведжа, и четверых младших детей. После чая мистер Сэведж и мистер Джон Райан, отец Адама, углубились в лес. Они постоянно звали детей, но ответа так и не дождались. В двадцать пять минут девятого, когда стали сгущаться сумерки, родители всерьез забеспокоились: а что, если дети все-таки заблудились? Тогда мисс Алисия Роуэн, мать Джермейн (она воспитывала девочку в одиночку), имевшая в доме телефон, вызвала полицию.

Начались поиски. Предположили, что детям вздумалось сбежать. Мисс Роуэн собиралась отправить Джермейн в школу-интернат в Дублине, откуда та должна приезжать домой лишь на выходные. Отъезд планировался через две недели, и трое друзей очень переживали скорую разлуку. Тем не менее поверхностный осмотр комнат показал, что и одежда, и деньги, и все прочее на месте. В принадлежащей Джермейн матрешке-копилке лежало пять фунтов и восемьдесят пять пенсов, а сама копилка стояла нетронутая.

В двадцать минут десятого полицейский, который с фонарем прочесывал лес, обнаружил в густой лесной чаще Адама Райана. Мальчик вжался спиной в большой дуб. Ногтями он с такой силой впился в кору, что они обломались. Судя по всему, он простоял так довольно долго, но на зов не откликался. Мальчика отвезли в больницу. Вызванные кинологи пустили собак по следу двух других детей, и след привел к месту неподалеку от того, где нашли Адама Райана, однако дальше собаки сбились со следа.

Когда меня нашли, на мне были синие джинсовые шорты, белая хлопчатобумажная футболка, белые носки и белые зашнурованные кроссовки. Кроссовки были перепачканы кровью, носки тоже, но меньше. Согласно сделанному позже анализу, кровь просочилась сквозь кроссовки наружу, но на носки попала именно с кроссовок. Получалось, что с меня сняли кроссовки и залили в них кровь, а затем, когда она начала подсыхать, кроссовки снова надели мне на ноги – так носки и запачкались кровью. На футболке имелись четыре параллельные прорехи длиной от трех до четырех дюймов. Они

располагались по диагонали от середины левой лопатки до правого подреберья сзади.

Повреждений у меня не оказалось, разве что незначительные царапины на икрах, занозы (впоследствии выяснилось, что это дубовая кора) под ногтями и глубокие, уже запекшиеся ссадины на коленках. Получил ли я эти ссадины в лесу, так и не выяснили. Пятилетняя Эйдин Уоткинс, игравшая в тот день на нашей улице, сообщила, что видела, как я ранее свалился с ограды и приземлился прямо на коленки. Однако в показаниях она путалась, и поэтому их сочли ненадежными. Сам я находился в полубессознательном состоянии и почти тридцать шесть последующих часов почти не шевелился, а затем две недели не разговаривал. А заговорив, не мог вспомнить ничего, что происходило после того, как я вышел из дома, и до момента, когда оказался в больнице.

Анализ обнаруженной у меня на кроссовках и носках крови на группу и резус-фактор (в 1984 году в Ирландии еще не проводилась экспертиза ДНК) показал, что кровь относится ко второй группе с положительным резусом. Хотя тип крови совпал с моим собственным, пришли к выводу, что едва ли столько крови вытекло из ссадин на коленках, пускай раны и глубокие. Двамя годами ранее, перед операцией по удалению аппендикса, Джермейн Роуэн тоже проводили анализ крови, и у нее тоже была вторая группа. Группа крови Питера Сэведжа была неизвестна, но он в качестве источника крови на моих кроссовках и носках не рассматривался: у обоих его родителей кровь относилась к первой группе, а значит, никакой другой у него тоже быть не могло. При такой неопределенности следователи не исключали, что кровь принадлежит кому-то еще, но при этом допускали, что это могла быть кровь не одного человека. Поиски продолжались и всю ночь четырнадцатого августа, и потом несколько недель. Команды добровольцев прочесали близлежащие поля и холмы, осмотрели каждую компостную яму и сточную канаву, водолазы облазили лесную реку. Тщетно. Четырнадцать месяцев спустя мистер Эндрю Рафтери, местный житель, гуляя с собакой, заметил в кустах, примерно в двухстах ярдах от того дерева, возле которого нашли меня, наручные часы. Часы были примечательные: на циферблате нарисован футболист, а на конце секундной стрелки – футбольный мячик. Мистер и миссис Сэведж узнали часы своего сына Питера. Миссис Сэведж

подтвердила, что в день исчезновения Питер был при часах. Пластмассовый браслет был разорван – вероятнее всего, Питер, убегая, зацепился браслетом за ветку. Криминалисты нашли на браслете и циферблате частично сохранившиеся отпечатки пальцев, все они совпадали с отпечатками на вещах, принадлежащих Питеру Сэведжу. Несмотря на обращения полиции к жителям и громкую кампанию в средствах массовой информации, след Питера Сэведжа и Джермейн Роуэн был утерян.

* * *

Я стал полицейским, потому что хотел расследовать убийства. Время, которое я провел за учебой, и позже, когда уже надел полицейскую форму, – училище Темплмор, бесконечные тренировки, патрулирование захолустных поселков, когда ты расхаживаешь в жилетке мультяшного вида и вырвиглазного цвета, выяснение, кто из трех местных малолеток разбил окно в сарае миссис Мак-Суини, – время это проходило в каком-то странном угаре по сценарию Ионеско и смахивало на испытание монотонностью, которое мне нужно выдержать, если хочу получить награду в виде профессии. Я никогда не вспоминаю те годы, да и помню их плохо. Друзей я тогда так и не завел и воспринимал свое одиночество как нечто неизбежное, словно побочный эффект успокоительного лекарства. Однако в глазах других копов моя отстраненность выглядела высокомерием, плевок в их крестьянскую основательность, в их крепкие деревенские амбиции. Возможно, так оно и было. Недавно я нашел дневник, который вел в колледже. Одна из записей посвящена моим однокашникам – их я описываю как “стадо тупых деревенщин, словно сработанных по одному лекалу, настолько типичных, что от них почти воняет капустой с беконом, коровьим дерьмом и церковными свечками”. Даже если допустить, что у меня просто выдался неудачный день, такое описание явно выдает неуважение к культурным различиям.

К тому моменту, когда я поступил в отдел убийств, моя новая рабочая одежда – безупречно скроенные костюмы из такой чудесной ткани, что она будто оживала в руках, рубашки в тоненькую зеленую или синюю полосочку, мягкие кашемировые шарфы – уже почти год висела у меня в шкафу. Я обожаю этот дресс-код, принятый по умолчанию. Это была одна из причин, по которым я мечтал оказаться

в Убийствах, – а еще короткие, стенографически короткие, почти тайнопись, обозначения: отпечатки, вещдоки, судмеды. В городке, словно вышедшем из романа Стивена Кинга, куда я попал после Темплмора, произошло убийство – обычное преступление на бытовой почве, преступник просто-напросто не рассчитал силушку, однако и предыдущая пассия убийцы умерла при подозрительных обстоятельствах, и поэтому из Убийств прибыла парочка следователей. Всю неделю, что они пробыли у нас, краем глаза я вел непрерывное наблюдение за кофеваркой, и когда следователи подходили налить себе кофе, я тоже торопился за кофе, подолгу и обстоятельно наливал молока и грел уши, слушая, как детективы перебрасываются четкими, жесткими фразами. Токсикология? Криминалисты скоро пришлют. Зазубрины? В лаборатории устанавливают их происхождение. Я снова начал курить – чтобы выходить следом за детективами на парковку и торчать с сигаретой поодаль, уставившись в небо и прислушиваясь. Они мимолетно улыбались мне, иногда щелкали выдавшей виды зажигалкой, давая прикурить, а после, едва шевельнув плечом, словно отодвигали меня на второй план и возвращались к своим коварным многоплановым стратегиям. “Сперва вызови мамашу, а он пускай посидит дома часик-другой, подержается из-за того, что она наболтает. Позже опять вызывай его. Посадишь его в комнату, но входи к нему сразу, не тяни, чтобы он собраться с мыслями не успел”.

Если вы предположили, что к ремеслу сыщика меня привела сумасбродная идея разгадать загадку моего детства, то вы ошибаетесь. Материалы по собственному делу я прочел один-единственный раз, вечером, когда остался в кабинете один, а источником света мне служила настольная лампа. Почти забытые имена эхом откликались в голове, точно летучие мыши, мелькали перед глазами, оживая в выведенных выцветшими чернилами буквах: вот Джейми пинает собственную мать, потому что не желает отправляться в школу-интернат, вот “грозного вида” подростки топчутся на опушке леса, вот мать Питера разгуливает с синяком под глазом. С тех пор я ни разу не брал свое дело в руки. Нет, я жаждал тайн, почти невидимых знаков, похожих на шрифт Брайля и доступных лишь посвященным. Та парочка детективов напоминала мне породистых, чистокровных животных, каким-то чудом попавших на сельскую ферму, воздушных

гимнастов, что красуются в лучах софитов. Они играли в высшей лиге, и в той игре равных им не было.

Я понимал, что они действуют жестоко. Люди грубы и безжалостны, а хладнокровно придумывать уловки, подгонять их, пока человеческий инстинкт самосохранения не даст течь, – это жестокость в чистейшем ее виде, наиболее отточенная и отлаженная.

* * *

Про Кэсси мы слышали еще до того, как она стала частью нашего отдела, наверное, даже до того, как ей предложили к нам присоединиться. Сплетни здесь по-старушечьи эффективны. Отдел убийств вечно загружен работой, и к тому же он небольшой, постоянных сотрудников всего двадцать. Поэтому когда хлопот у нас прибавляется, то отдел поражает что-то навроде истерии, которая приводит к возникновению сложных альянсов и безумных слухов. Обычно мне удается избегать этого, но сплетни о Кэсси Мэддокс оказались достаточно навязчивыми и добрались даже до меня.

Во-первых, она, будучи женщиной, сразу стала объектом для плохо завуалированных оскорблений. Всех нас отлично обучили презирать предрассудки, но где-то глубоко внутри в каждом из нас сидит тоска по пятидесятым (даже мои ровесники не исключение, ведь в Ирландии пятидесятые во многом продолжались до 1995-го, а потом мы сразу перескочили в эпоху, смахивающую на тэтчеровские восьмидесятые). В те времена, чтобы выбить у подозреваемого признание, достаточно было пригрозить ему, что ты нажалуешься его мамаше, единственными иностранцами в стране были студенты-медики, а от женских придирок ты спасался разве что на работе. Кэсси – всего лишь четвертая женщина, которую взяли в Убийства, и по крайней мере одна из ее предшественниц оказалась большой ошибкой (если верить некоторым, вовсе не случайной) – в отделе она запомнилась тем, что едва не угробила и себя, и своего напарника, потому что психанула и швырнула пушку в голову загнанному в угол подозреваемому.

Кроме того, Кэсси было только двадцать восемь и она всего несколько лет как выпустилась из Темплмора. Наш отдел относится к элитным, и если тебе меньше тридцати, а твой папаша не политик, то к нам тебе не попасть. Как правило, сперва нужно попотеть на

побегушках, а после потрудиться в одном или двух других отделах. За плечами же у Кэсси имелся всего лишь год в наркоотделе. По слухам, вполне предсказуемым, выходило, что Кэсси спит с какой-то важной шишкой, или что она чья-то внебрачная дочка, или – версия с налетом оригинальности – что она застукала кого-то важного за тем, как он покупал наркоту, и повышение – плата за ее молчание.

Моя появившаяся в отделе Кэсси Мэддокс не раздражала. Сам я проработал в Убийствах всего несколько месяцев, но во мне уже развилась стойкая неприязнь к неандертальской атмосфере, похожей на ту, что царит в раздевалках в спортклубах, меня бесило стремление сравнивать машины и средства после бритья, а придурковатые шутки, которые тут считаются “ироничными”, вызывали желание прочесть долгую нудную лекцию о том, что такое ирония. В целом женщины нравятся мне больше мужчин. Кроме того, я сам мучился от неуверенности, не с силах определить собственное место в отделе. До своих теперешних почти тридцати одного я два года пробыл мальчиком на побегушках и еще два провел в Домашнем насилии, и мое назначение вызывало меньше вопросов, чем в случае Кэсси. Тем не менее порой мне казалось, будто меня считают хорошим детективом без особых на то оснований, примерно так же мужчины находят красоткой высокую тощую блондинку, даже если у нее лицо переевшей курицы. И все лишь потому, что я обладаю всеми необходимыми данными и у меня идеальный выговор диктора Би-би-си, которым я обзавелся в школе-интернате, чтобы прятаться за этим камуфляжем. От колониального наследия так просто не избавишься. Ирландцы вроде как рады поддержать любой протест против Англии, и мне известны пабы, где закажи я выпивку – и в голову мне тут же полетит стакан, и тем не менее считается, что если у тебя истинно английский выговор, то ты умнее, лучше образован и правда на твоей стороне. Вдобавок ко всему я высокий, худой и жилистый, а умело скроенный костюм придает мне элегантной подтянутости, добавляет этакую небанальной привлекательности. Участвуй я в кастинге на роль героя в фильме, наверняка сочли бы, что из меня выйдет прекрасный сыщик – возможно, авантюрист-одиночка, который бесстрашно рискует жизнью и непременно ловит преступника.

С этим персонажем у меня нет ни капли общего, вот только не факт, что другие это понимают. Иногда, залившись в одиночестве

водкой, я придумывал буйно-бредовые сценарии, в которых начальник отдела выясняет, что на самом деле я сын чиновника из Нокнари, после чего меня переводят в Защиту интеллектуальной собственности. Я надеялся, что Кэсси Мэддокс отвлечет внимание и уведет подозрения от меня.

Когда она наконец появилась, я испытал своего рода разочарование. Благодаря навязчивым слухам я нарисовал себе телесериальный образ красотки с ногами от ушей, волосами из рекламы шампуня и, возможно, в облегающем комбинезоне. О'Келли, наш начальник, представил ее на утреннем смотре в понедельник, и Кэсси произнесла несколько стандартных фраз о том, как она рада присоединиться к нашему отделу и что надеется соответствовать его высокому уровню. Рост у нее едва дотягивал до среднего, это если еще учитывать шапку черных кудряшек, а сложена новенькая была по-мальчишески угловато. Совсем не в моем вкусе, мне всегда нравились девушки женственные, хрупкие и нежные – такие, чтобы подхватить и закружить, – и все же эта Кэсси чем-то цепляла. Может, из-за ее позы – как она выставила вперед одну ногу, изящно и непринужденно, точно гимнастка, а может, из-за тайны, которая окутывала ее назначение.

– Говорят, у нее родичи масоны и они пригрозили разогнать весь отдел, если мы ее не примем, – прошептал у меня за спиной Сэм О'Нил.

Сэм – коренастый оптимист из Голуэя. Что водоворот слухов затянет и его, я не ожидал.

– О господи, – купился я.

Сэм ухмыльнулся и, покачав головой, направился к своему столу. Я снова посмотрел на Кэсси. Та уселась, уперлась ногой в кресло напротив своего и положила на колени блокнот. И одета не так, как у нас в Убийствах. Когда нацелился устроиться сюда, кожей ощущаешь, что тебя хотят видеть образованным профессионалом и чтобы стиль у тебя был ненавязчиво элегантный, с ноткой оригинальности. Такие клише дают понять налогоплательщикам, что деньги их тратятся не впустую. Чаще всего костюмы наши из “Браун Томаса”, а ходим мы туда исключительно на распродажи, и порой нотки оригинальности у нас получаются одинаковые. До того момента наибольшей звезданутостью среди нас отличался дебил Куигли с голосом Даффи Дака и донегольским акцентом: под пиджаком он носил футболки со

всякими надписями (БЕШЕНЫЙ ПСИХ) – типа, вот такой он дерзкий. Когда до него дошло, что он никого из нас не впечатляет, то вызвал на подмогу свою мамашу и вместе с ней обновил свой гардероб в “Браун Томасе”. В первый день я отнес Кэсси к той же категории. Она заявила в армейских ботинках, бордовом шерстяном свитере с чересчур длинными рукавами и мешковатых трениках, и я растолковал это так: *Я выше всяких ваших условностей, сечете?* Это подлило масла в огонь неприязни к ней в отделе и добавило привлекательности в моих глазах. Вообще женщины, которые меня подбешивают, кажутся мне особенно притягательными – водится за мной такое.

Следующие две недели я почти не обращал на нее внимания, ну насколько такое возможно, когда в мужской компании появляется справно вида женщина. В курс дела Кэсси ввел Том Костелло, наш седой ветеран. Я тогда был занят убийством забитого в переулке бомжа – унылая неотвратимость его жизни окрасила и смерть бедолаги, и расследование с самого начала относилось к разряду безнадежных: никаких зацепок, никто ничего не слышал, а убийца, вероятно, был пьян или под наркотой, так что ничего не помнил, поэтому моя присущая новичкам напористость дала трещину. В напарники я получил Куигли, и срабатывались мы плохо. В его понимании юмор – это когда ты пересказываешь целые куски мультика про Уоллеса и Громита, а чтобы подчеркнуть, какие они смешные, ты через два слова на третье раздражаешься смехом дятла Вуди. До меня постепенно доходило, что нас поставили в пару не затем, чтобы он опекал новичка, а просто работать с ним больше никому не хотелось. У меня не было ни времени, ни сил познакомиться с Кэсси поближе. Иногда я раздумываю, надолго ли это затянулось бы, ведь даже в маленьких отделах всегда есть те, общение с кем ограничивается приветственными кивками и дежурными улыбками, – наверное, оттого, что пути ваши никогда не пересекаются.

Нас подружил ее мотороллер, кремового цвета “веспа” 1981 года выпуска, – несмотря на свой легендарный статус, эта модель напоминает мне дворнягу, у которой в роду затесались бордер-колли. Чтобы позлить Кэсси, я окрестил ее мотороллер Тележкой для гольфа, она же в отместку называет мой белый “лендровер” Компенсатором и лицемерно жалеет моих девушек, а когда на нее находит бунтарский настрой, она обзывает его Экомобилем. Однажды влажным и

ветренным сентябрьским днем ее подлая Тележка для гольфа сломалась прямо возле входа в наше здание. Я как раз выехал с парковки и увидел мою крохотную коллегу, в мокром красном дождевике смахивающую на Кенни из “Южного парка”. Она стояла возле облитого водой мотороллера и что-то сердито кричала вслед окатившему ее из лужи автобусу. Я опустил стекло и окликнул ее:

– Может, лучше руками поработаешь?

Кэсси взглянула на меня.

– Это ты в каком смысле? – крикнула она в ответ и, заметив мою растерянность, рассмеялась.

За пять минут, пока я пытался завести “веспу”, я успел влюбиться в Кэсси. Из-за не по размеру большого дождевика она выглядела лет на восемь, да вдобавок на ней были резиновые сапоги с нарисованными божьими коровками. Из глубины капюшона на меня смотрели огромные карие глаза, прямо как у котенка, но со слипшимися от дождя ресницами. Мне захотелось закутать ее в пушистое полотенце и усадить греться перед камином. Но потом Кэсси сказала:

– Слушай, давай-ка лучше я. Тут надо знать, как эту хрень поворачивать.

Я снисходительно взглянул на нее и переспросил:

– Хрень? Ну разумеется, женщины, что с них взять.

Я тотчас же пожалел о сказанном – добродушные шутки вообще не по моей части, и окажись она радикальной занудой-феминисткой, непременно прямо там, под дождем, прочтет мне лекцию про Амелию Эрхарт^[2]. Но вместо этого Кэсси взглянула на меня снизу вверх и, захлопав в ладоши, дрожащим, как у Мэрилин, голосом проговорила:

– Ох, я всю жизнь мечтала, как меня, бедняжку, прискачет спасать рыцарь в сверкающих доспехах! Вот только в моих мечтах он был красивый.

Словно с поворотом стеклышка в калейдоскопе, образ передо мной тотчас же изменился. Влюбленность испарилась и уступила место симпатии. Окинув взглядом ее куртку с капюшоном, я воскликнул:

– Господи, они сейчас убьют Кенни!^[3]

После я загрузил в багажник ее Тележку для гольфа и подбросил Кэсси до дома.

Она жила в квартирке-студии – владельцы квартир обычно называют такие “гостинками”, куда и друзей пригласить можно.

Располагалась ее квартирка на самом верху в обветшалом георгианском особняке на тихой улочке Сандимаунта. Из большого створчатого окна открывался вид на крыши окрестных домов и сандимаунтский пляж вдалеке. В квартире имелся деревянный стеллаж, битком набитый старыми книгами в бумажных обложках, викторианский диванчик с ядовито-бирюзовой обивкой, накрытая лоскутным покрывалом кровать, никаких украшений или плакатов, разве что россыпь ракушек и каштанов на подоконнике.

Тот вечер мне ничем особым не запомнился, и, если верить Кэсси, ей тоже. Я помню обрывки наших разговоров, некоторые особенно отчетливые образы, но конкретных слов уже не приведу. Сейчас мне это кажется странным, а когда у меня соответствующее настроение, даже волшебным – мы словно погрузились в фугу^[4], состояние, какое обычно насылают феи, ведьмы или инопланетяне и из которого человек выходит совсем другим. Но подобные временные провалы – удел одиночек, а мы были как два близнеца в бессловесной невесомости, слепо тянущие друг к другу руки.

Я знаю, что остался тогда на ужин, по-студенчески скромный – макароны с готовым соусом из банки и подогретый виски из китайских чашек. Помню, как Кэсси открыла громоздкий платяной шкаф, занимающий почти всю стену, и вытащила оттуда полотенце, чтобы я вытер голову. Внутри гардероба тоже оказались вставлены полки – похоже, сама Кэсси их и смастерила. На них теснились самые разные предметы. Я особо не вглядывался, но успел заметить облупленные эмалированные кастрюли, тетрадки в разводах, мягкие свитера контрастных расцветок, ворохи исписанных листов. Все это напоминало волшебный домик, какими их изображали на старых картинках.

Еще я помню, как в конце концов спросил:

– Как ты вообще попала в наш отдел?

До этого мы обсуждали ее переезд, и я думал, что мой вопрос прозвучал вполне естественно, однако Кэсси наградила меня подозрительной, едва заметной улыбочкой, словно мы с ней играем в шашки, я сделал неудачный ход и решил отвлечь ее внимание.

– Ты о том, что я женщина?

– Да нет, я в том смысле, что ты совсем молодая, – поспешил исправиться я, хотя, конечно, подразумевал и то и другое.

– Костелло назвал меня вчера “сынок”, – сказала Кэсси, – “в добрый путь, сынок”. А потом занервничал и запнулся. Небось испугался, что я на него в суд подам.

– С его стороны это комплимент, – успокоил я ее.

– Вот я так и подумала. На самом деле он довольно милый. – Кэсси сунула в рот сигарету и протянула руку.

Я кинул ей зажигалку.

– Говорят, будто ты работала под прикрытием, изображая проститутку, и наткнулась на кого-то из начальства, – сказал я, но Кэсси лишь ухмыльнулась и бросила зажигалку обратно.

– Это Куигли говорит, да? Про тебя он сказал, что ты стукач и работаешь на МИ-6.

– Чего-о? – Я возмутился и тем самым угодил в собственную ловушку. – Куигли debil полный.

– Думаешь? – И она расхохоталась, а через секунду к ней присоединился и я.

Слухи про МИ-6 меня расстроили: если кто-нибудь и впрямь в это поверит, мне вообще перестанут о чем-либо рассказывать, да и вообще бесит, когда меня принимают за англичанина. И все же отчасти приятно, когда ты – кто-то вроде Джеймса Бонда.

– Я из Дублина, – пояснил я, – а выговор у меня такой, потому что я учился в интернате в Англии. И этот деревенский debil тоже в курсе.

Первые несколько недель после того, как я поступил в отдел, Куигли непрестанно доставал меня вопросом, что англичанин делает в ирландской полиции, прямо как ребенок, который дергает тебя за руку и повторяет: “Почему? Почему? Почему?” Наконец я отступился от моего принципа не болтать лишнего и объяснил, откуда у меня такой выговор. Видимо, мне следовало обойтись меньшим количеством слов.

– Как ты вообще с ним работаешь? – спросила Кэсси.

– Медленно схожу с ума, – ответил я.

Я до сих пор не знаю, почему Кэсси решилась, но что произошло, то произошло. Она взяла чашку в другую руку (Кэсси клянется, что мы тогда пили кофе, и настаивает, мол, про виски я запомнил, только потому что той зимой мы очень часто его пили, но я-то знаю – я помню, как покалывало у меня язык и как хмельной пар бил в нос) и приподняла свитер, почти обнажив грудь. От изумления я не сразу сообразил, что именно она мне показывает. Вдоль ребра тянулся

длинный шрам, красный и рельефный, а поперек шрама виднелись отметины шва.

– Ножом пырнули, – сказала Кэсси.

Настолько очевидное объяснение мне и в голову не приходило. Пострадавший при исполнении детектив имеет право выбрать отдел для дальнейшей службы. Наверное, такой возможности я не допускал, потому что про поножовщину уж точно поползли бы слухи.

– О господи, – сказал я, – как это тебя угораздило?

– Я работала под прикрытием в Университетском колледже Дублина, – начала Кэсси.

Да, это объясняло и манеру одеваться, и отсутствие достоверных сведений – данные об агентах под прикрытием не разглашаются.

– Поэтому я так быстро стала детективом. В университетском кампусе целая сеть пушеров, и в Наркотиках хотели выяснить, кто за всем этим стоит, поэтому им нужен был кто-нибудь свой в студенческой среде. Меня внедрили под видом аспирантки психологического факультета. Перед Темплмором я несколько лет проучилась на психфаке в Тринити, поэтому в теме, да и выгляжу молодо.

Это точно. Лицо у нее было такое чистое, ясное, я прежде, наверное, и не видел таких – кожа по-детски сияющая и гладкая, пухлые губы, скулы высокие и округлые, нос вздернутый, другие лица в сравнении казались каким-то тусклыми и расплывчатыми. Насколько я в этом разбираюсь, косметикой Кэсси не пользовалась, разве что красноватым, с запахом корицы бальзамом для губ, благодаря которому казалась еще моложе. Красивой ее мало кто назвал бы, но мне всегда нравилась индивидуальность, а не шаблоны, и Кэсси радовала глаз намного больше, чем грудастые блондинистые клоны, навязываемые журналами.

– И тебя раскусили?

– Нет! – Она возмутилась. – Я вышла на основного пушера – тупого богатенького сынка из Блэкрок. Он, разумеется, на экономическом учился. Несколько месяцев я потратила на то, чтобы втереться к нему в доверие, – смеялась над его идиотскими шутками, вычитывала его курсовые. Потом предложила распространять товар среди девушек – сказала, что девчонки охотнее будут покупать у девушки. Эта мысль ему понравилась, все шло прекрасно, и я стала

намекать, типа, мне бы напрямую с поставщиком работать, а не через него товар получать, так всем проще будет. Вот только наш малыш-пушер стал злоупотреблять собственным товаром, а дело было в мае, на носу экзамены. Он слегка сбрендил, решил, будто я хочу у него бизнес отжать, и полез с ножом, – она поднесла чашку к губам, – только Куигли не проговорись. Дело еще не закрыто, поэтому мне тоже особенно болтать нельзя. Пускай этот придурок пребывает в заблуждении.

Если честно, я очень проникся ее рассказом. Меня впечатлило не столько ее ранение (все-таки, напомнил я себе, ничего особенно храброго или умного она не совершила, просто-напросто не успела быстро среагировать), а скорее заряженная адреналином романтика работы под прикрытием и будничность, с которой Кэсси рассказывала историю. Сам я приложил немало усилий, чтобы научиться сохранять невозмутимость, и притворство сразу уловил бы.

– Господи, – повторил я, – надеюсь, когда его взяли, то хорошенько отделали.

Лично я подозреваемых не бил – как выяснилось, в этом и нужды нет, главное, чтобы они в такую возможность верили и боялись. Однако копы не все такие, как я, и если ты пырнул ножом полицейского, рассчитывай, что по дороге в участок заработаешь пару зуботычин.

Кэсси изумленно уставилась на меня:

– Нет, конечно. Тогда бы вся операция коту под хвост. А надо до его поставщика добраться. Сейчас там новый человек под прикрытием работает.

– И ты не хочешь, чтобы его закрыли? – спросил я и тут же устыдился собственной наивности. – Он же тебе чуть кишки не выпустил.

Кэсси пожала плечами:

– Если разобраться, то заслуженно. Я притворялась его другом, а сама кинула его. А он одуревший от наркоты сопляк. От таких другого не жди.

Дальше в памяти у меня снова туман. Я знаю, что твердо решил в ответ тоже удивить ее, но у меня за спиной не имелось ни поножовщины, ни перестрелок. Поэтому я рассказал ей длинную, путаную и почти правдивую историю о том, как отговорил одного

дядьку с ребенком на руках прыгать с крыши многоэтажного дома. Случилось это, когда я работал в Домашнем насилии (по-моему, я слегка поднабрался – вот еще одна причина, заставляющая меня думать, что пили мы подогретый виски). Я помню, как мы горячо обсуждали, кажется, Дилана Томаса, как Кэсси, с ногами забравшись на диван, оживленно размахивала руками и как тлела в пепельнице ее забытая сигарета. Мы подначивали друг друга остроумно, но с опаской, будто застенчивые дети, и после каждого ответного выпада старались украдкой удостовериться, что не перегнули палку и не ранили чувств другого. Мы говорили про “Пламя страсти” и “Ковбоек Джанки”^[5], а еще Кэсси мило, с хрипотцой, пела.

– Наркота, которую тебе твой университетский пушер давал, – сказал я позже, – ты ее и правда студенткам толкала?

Кэсси поднялась поставить чайник.

– Иногда, – ответила она.

– А это тебя не смущало?

– Когда под прикрытием работаешь, тебя вообще все смущает, – отрезала Кэсси. – Все.

* * *

На следующее утро мы пришли на работу друзьями. Это оказалось и впрямь просто – мы посадили семена дружбы, ничуть не раздумывая, а проснувшись, увидели первые всходы. Во время перерыва мы с Кэсси переглянулись, я изобразил сигарету и мы пошли на улицу, где уселись на скамейку, каждый на своем конце, и закинули нога на ногу – ну точно подставки для книг. После смены Кэсси ждала меня и все возмущалась, как долго я собираю вещи (“Ты прямо как Сара Джессика Паркер! Не забудь подводку для губ, красotka, а то придется водителя лишний раз гонять”), а на лестнице спросила: “По пиву?” Мне не постичь волшебства, которое растянуло один вечер на много лет. Единственное доступное мне объяснение – впрочем, чересчур очевидное, – это что мы слеплены из одного теста.

Как только Костелло ввел Кэсси в курс дела, мы с ней стали напарниками. О’Келли, правда, слегка посопротивлялся, ему не нравилось, что двое молодых, многообещающих салаг будут работать в паре, и к тому же ему пришлось искать напарника для Куигли. Однако как раз в тот момент я – скорее благодаря слепому везению, а

не изошренным умозаключениям – нашел парня, который слышал, как кто-то хвастался, будто замочил бомжа, поэтому у О’Келли я был на хорошем счету, чем и воспользовался. О’Келли предупредил, что будет давать нам только простейшие дела и совсем “висяки”, иначе говоря, “такие, где настоящее расследование не требуется”. Мы кротко покивали и в сотый раз поблагодарили его. Убийцы – и мы это знали – не в курсе, что им следует чередовать сложные дела с простыми. Кэсси переложила вещи на стол по соседству с моим, а ветеран Костелло, которому пришлось встать в пару к Куигли, несколько недель подряд бросал на нас взгляды одновременно грустные и укоризненные, словно страдающий лабрадор.

* * *

За следующие пару лет мы, похоже, завоевали неплохую репутацию в отделе. По делу об убийстве бомжа мы взяли подозреваемого и допрашивали его шесть часов – впрочем, если выкинуть из записи постоянно повторяющуюся фразу “Да ты охерел”, то вся запись займет минут сорок, не больше, а потом он все-таки признался. Этого маргинала звали Уэйн (“Уэйн, – сказал я Кэсси, когда мы с ней вышли принести ему «Спрайта» и наблюдали через одностороннее стекло, как наш подозреваемый расковыривает прыщи. – Да лучше бы его родители сразу при рождении сделали ему на лбу татуировку: «Мы даже в школе не доучились»”). Бомжа с погонялом Бородатый Эдди он избил за то, что тот спер у него одеяло. Подписав признательные показания, Уэйн поинтересовался, вернут ли ему одеяло. Мы передали Уэйна дежурным, пообещав, что те разберутся, взяли бутылку шампанского и поехали к Кэсси, где проболтали до шести утра. На работу на следующий день мы явились с опозданием, сонные и по-прежнему в слегка приподнятом настроении.

Нам, вполне предсказуемо, пришлось пройти через вопросы, которыми забрасывали меня Куигли и еще кое-кто. Их интересовало, трахаемся ли мы с Кэсси, и если да, то легко ли ее развести на секс. Поверив все же, что мы не трахаемся, они заподозрили, что Кэсси больше по девочкам. (Лично мне Кэсси всегда казалась очень женственной, однако готов признать, что при определенном раскладе ее прическа, отсутствие косметики и мешковатые брюки вполне

способны навести на мысли о лесбийских наклонностях.) В итоге Кэсси надоели слухи, и она положила им конец, явившись на рождественскую вечеринку наряженной в черное обтягивающее платье с открытыми плечами, да еще и в сопровождении умопомрачительного красавчика-регбиста по имени Джерри. На самом деле он был ее троюродным братом, к тому же благополучно женатым, однако Кэсси ревностно опекал, поэтому ради ее карьеры с легкостью согласился целый вечер с обожанием смотреть на нее.

После этого сплетни стихли и все оставили нас заниматься своим делом, что нас обоих вполне устраивало. Несмотря на внешность, Кэсси не особенно общительная, не больше, чем я сам. Она бодрая, жизнерадостная и острая на язык, но когда у нее есть выбор, то предпочитает мое общество большим компаниям. Я часто оставался ночевать у нее дома, на диване. Процент раскрываемости у нас был довольно высокий, и даже когда мы запаздывали с отчетами, О'Келли не грозил, что даст нам других напарников. Мы посетили судебное заседание, на котором Уэйна признали виновным в убийстве ("Да ты охерел!"). Сэм О'Нил нарисовал неплохую карикатуру на нас двоих в образе Малдера и Скалли (этот рисунок до сих пор где-то у меня валяется), и Кэсси прилепила ее сбоку на монитор компьютера, рядом с наклейкой "Плохой коп! Не дам печенку!".

Вспоминая то время, я прихожу к выводу, что для меня Кэсси просто появилась в подходящий момент. Будучи непосвященным, я создал для себя сверкающий, непостижимый образ отдела убийств, где нет ни Куигли, ни сплетен, ни шестичасовых допросов бомжей, чей словарный запас ограничивается шестью словами, а от акцента зубы сводит. Я рисовал себе существование, в котором нет ничего незначительного, мелкого, зато есть такое напряжение, что чиркни спичкой – и полыхнет, однако реальность привела меня в замешательство и выбила из колеи, как ребенка, который открыл сверкающий рождественский подарок и обнаружил там шерстяные носки. Не будь рядом Кэсси – и я, скорее всего, превратился бы в полицейского, какими их показывают в "Законе и порядке", измученного и во всем видящего правительственный заговор.

2

Дело Девлин мы получили в августе, утром в среду. Если верить моим записям, было 11:48, поэтому все остальные пили кофе. Мы с Кэсси играли на моем компьютере в “Червяков”.

– Ха! – И Кэсси отправила своего вооруженного бейсбольной битой червяка на моего.

Мой червяк по имени Подметальщик Уилли завопил: “Ой мамочки!” – и полетел с обрыва в океан.

– Я тебе просто поддался, – заявил я.

– Ну да, конечно, – ответила Кэсси, – настоящих мужиков девчонки не побеждают. Это даже червяку ясно – только слюняй с маленькими яйцами способен...

– К счастью, я не сомневаюсь в собственной мужественности, поэтому мне даже отдаленно не грозит...

– Тсс! – И Кэсси развернула мою голову в сторону монитора: – Вот так, молодец. Веди себя хорошо и позаботься о своем червячке. Видит бог, ему недолго осталось.

– Переведусь, пожалуй, в Службу спасения. Там спокойнее, – сказал я.

– В Службе спасения надо быстро реагировать, солнышко ты мое, – съязвила Кэсси, – а ты полчаса думаешь, как поступить с нарисованным червяком, так что вряд ли тебя отправят заложников освобождать.

В этот момент в кабинет ввалился О’Келли.

– Где все? – поинтересовался он.

Кэсси стремительно нажала *Alt-Tab*. Одного из своих червяков она окрестила О’Дурелли и нарочно отправляла в самые безнадежные передраги, чтобы посмотреть, как его разнесет на куски динамитная овца.

– У нас перерыв, – объяснил я.

– Тут археологи труп раскопали. Кто возьмется?

– Мы, – ответила Кэсси и, оттолкнувшись ногой от моего кресла, отъехала на свое место.

– Почему мы? – спросил я. – А патологоанатомы что, не могут разобраться?

Когда археологи находят человеческие останки на глубине менее девяти футов под землей, то закон обязывает сообщить в полицию. Это на тот случай, если какому-нибудь умнику придет в голову закопать тело, например, на кладбище четырнадцатого века, рассчитывая, что труп сойдет за средневековый. Считается, наверное, что если кто-то умудрился выкопать яму глубже девяти футов и остался при этом незамеченным, он заслуживает некоторого поощрения за такой энтузиазм. Бывает, что при обвалах и эрозии почвы находят скелет, тогда вызывают полицейских и патологоанатомов, но, как правило, это формальность. Отличить современные останки от древних сравнительно несложно. Следователей вызывают лишь в исключительных случаях – допустим, если труп найден в торфянике и его свежесть не оставляет сомнений.

– Не в этот раз, – ответил О’Келли, – труп недавний. Девочка, похоже на убийство. Патрульные нас ждут. Это тут, в Нокнари, так что ночевать не придется.

У меня сбилось дыхание. Кэсси складывала в сумку вещи, но тут замерла, и ее взгляд на долю секунды остановился на мне.

– Простите, сэр, но полноценное расследование убийства мы сейчас не осилим. У нас полно работы по делу Мак-Лофлина и...

– А вы, Мэддокс, думали, что после обеда у вас выходной? – перебил ее О’Келли. Кэсси он недолюбливал по ряду до одури банальных причин – из-за пола, стиля одежды, возраста, полугероического прошлого, – и эта банальность бесила ее намного сильнее, чем собственно неприязнь начальника. – Так что если вы собирались за город прошвырнуться, то в самый раз. Криминалисты уже выехали. – И он вышел из кабинета.

– Вот паскудство, – расстроилась Кэсси. – Райан, прости, пожалуйста, я просто думала...

– Да забей, Кэсс, – успокоил ее я.

Что мне в Кэсси нравится больше всего, так это ее способность помолчать и не лезть когда не надо. Была ее очередь садиться за руль, однако она выбрала мою любимую машину без опознавательных знаков – “сааб” 98 года, прямо мечта, а не машина – и бросила мне ключи. В машине Кэсси достала из рюкзака стопку компакт-дисков и

передала их мне: водитель выбирает музыку, а сам я все время забываю захватить диски. Я поставил тот, где, по моим соображениям, будут громкие басы, и прибавил громкости.

В Нокнари я не бывал с того самого лета. Меня отправили в школу-интернат спустя несколько недель после несостоявшегося отъезда Джейми, но не в ту же самую школу, а в Уилтшир – чтобы услатить меня еще дальше, у родителей просто не хватило денег. Когда я на Рождество приезжал домой, то жили мы в Лейкслипе, то есть по другую сторону от Дублина. Как только мы съехали на двухполосную дорогу, Кэсси вытащила карту и, ориентируясь по ней, повела нас по разбитым, в колдобинах, проселкам, где разросшиеся кусты царапали стекла.

Мне, что неудивительно, всегда хотелось вспомнить, что произошло тогда в лесу. Те немногие, кто помнит про исчезновение в Нокнари, не раз предлагали мне пройти сеанс гипноза, однако меня от этой идеи почему-то воротит. Я вообще с недоверием отношусь ко всяким примочкам в духе нью-эйдж, само явление, насколько я могу судить с безопасного расстояния, вполне имеет право на существование, а вот связанные с ним люди меня смущают. Такие обычно отлавливают тебя на вечеринках и втолковывают, как пришли к выводу, что они – победители и заслуживают счастья. Я боюсь, что гипноз сделает меня кайфанутым просветленным придурком наподобие семнадцатилетнего сопляка, открывшего для себя Керуака, и я начну проповедовать пьянчужкам в пабах.

* * *

Археологические раскопки в Нокнари проходили на пологом откосе возле холма. На обнаженной, развороченной почве темнели непостижимые археологические письмена – траншеи, ямы, огромные муравейники земли, жилые вагончики, разбросанные обломки каменной стены, все это складывалось в безумный лабиринт, сюрреалистический, постапокалиптический. С одной стороны с лабиринтом соседствовала рощица, а с другой возвышалась стена, которую венчали аккуратные зубцы. Стена тянулась от деревьев до дороги. На самой высокой точке склона, неподалеку от стены, копошились криминалисты, от всех остальных их отделяла сине-белая лента, отчего зрелище походило на сцену из детективного фильма.

Скорее всего, я знал каждого из этих криминалистов, но ситуация – их белые комбинезоны, ловкие руки в перчатках, безмянные бережные инструменты – превращала людей в зловещих незнакомцев, агентов вездесущего ЦРУ. Лишь два объекта выглядели открыточно надежно и успокаивали взгляд – низенький беленый фермерский дом возле дороги, перед которым растянулась черно-белая пастушья собака, да каменная башня, увитая плющом с листвой, на ветру походившей на подернутую рябью воду. За дальним концом поля темнела полоса реки, посверкивающая солнечными бликами.

кроссовки упрутся в берег, тень от листьев пятнами покрывает красную футболку, удочки из веток, леска дергается, когда ее хватает мелкая рыбешка. “Тише ты! Рыбу спугнешь!”

Как раз на этой территории когда-то, двадцать лет назад, рос лес. Полоска деревьев – все, что от него осталось. Сам я жил прежде в одном из домов за стеной.

Такого я не ожидал. Ирландские новости я не смотрю, для меня они представляют собой однородный, вызывающий головную боль поток неотличимых один от другого политиков с глазами социопатов, которые издают бессмысленную белиберду вроде той, что получается, если в ускоренном темпе прокручивать запись. Я предпочитаю зарубежные новости – расстояние упрощает достаточно, чтобы появилось успокаивающее заблуждение, будто лица на экране совсем разные. До меня доходили слухи, что возле Нокнари ведутся археологические раскопки, которые стали объектом неких разногласий, и все же ни подробностей, ни точного местоположения раскопок я не знал. Такого я не ожидал.

Я заехал на парковку с противоположной от жилых вагончиков стороны дороги и затормозил между фургоном криминалистов и большим черным “мерседесом”, который принадлежал Куперу, патологоанатому. Мы вылезли из машины, и я остановился проверить пистолет: чистый, заряженный, на предохранителе. Пистолет у меня в наплечной кобуре, так ее не видно. Светить пушкой я считаю оскорбительным, все равно что членом на публике трясти. Кэсси говорит, что класть она хотела, что там оскорбительно, а что нет. Когда ты девушка ростом пять футов и пять дюймов, уважение тебе не повредит, поэтому она носит кобуру на поясе. Нередко такое

отношение нам на руку: вокруг не понимают, кого следует бояться больше, крохотную девушку с пушкой или здорового парня, похоже, безоружного, и необходимость выбирать выводит из равновесия.

Кэсси привалилась к машине и вытащила из рюкзака сигареты.

– Будешь?

– Нет, спасибо, – отказался я.

Я осмотрел ремни и затянул их, удостоверившись, что нет перекрученных. Собственные пальцы казались мне толстыми и неуклюжими, будто не связанными с остальным телом. Мне не хотелось, чтобы Кэсси сказала, что кем бы ни была убитая, вряд ли убийца прячется за вагончиками и ждет, когда его возьмут на пушку. Она откинула голову и выпустила в ветви дым. День выдался по-ирландски летний, вроде как невнятный – скользящие по небу облака и пронзительный ветер, а на смену всему этому того и гляди придут ливень, или палящее солнце, или и то и другое сразу.

– Ладно, – проговорил я, – пора вживаться в образ.

Кэсси затушила сигарету о подошву, сунула окурки в пачку, и мы перешли через дорогу.

Между вагончиками с потерянными лицами бродил мужчина средних лет в мешковатом свитере. Увидев нас, он оживился.

– Следователи, – догадался он, – вы же следователи, да? А я доктор Хант... то есть Йэн Хант. Руководитель раскопок. Куда вы хотели бы пойти – в кабинет, или к телу, или?.. Я же не знаю, как правильно. А у вас протокол и прочее.

Таких, как он, невольно представляешь мультяшными героями: крылья, клюв – и вот вам пожалуйста, вылитый Вуди Вудпекер.

– Я детектив Мэддокс, а это детектив Райан, – представила нас Кэсс. – Если можно, доктор Хант, то пусть кто-нибудь из ваших коллег покажет детективу Райану территорию, а вы пока отведете меня к телу.

“Вот стервочка”, – подумал я. Состояние у меня было одновременно возбужденное и заторможенное, как бывает, когда обкуришься, а потом перепьешь кофе. Крошечные кусочки слюды на перерытой земле блестели чересчур ярко и коварно. Не надо меня оберегать. Однако у нас с Кэсси есть неписаное правило, согласно которому мы, по крайней мере в присутствии посторонних, друг с другом не спорим. Иногда кто-то из нас этим пользуется.

– Э-хм, хорошо. – Хант посмотрел на нас и мигнул. Мне показалось, что он постоянно все роняет – желтые линованные страницы, жеванные салфетки, наполовину развернутые леденцы, – хотя в руках у него ничего не было. – Разумеется. Они все... Обычно территорию показывают Марк и Дэмьен, но за Дэмьена вы... Марк! – Он показал на открытую дверь вагончика, и я разглядел внутри несколько столпившихся у стола человек. Армейские куртки, бутерброды, кружки, от которых идет пар. Комья земли на полу. Один из мужчин кинул на стол стопку карт и стал пробираться между пластмассовыми стульями к выходу.

– Я их всех попросил остаться, – сказал Хант, – я же точно не знал... Доказательства. Следы и... волокна.

– Отлично, доктор Хант, – похвалила Кэсси, – мы попытаемся очистить место преступления, чтобы вы побыстрее вернулись к работе.

– Нам всего несколько недель тут осталось, – сказал парень, который остановился в дверях вагончика. Низенький и жилистый, в мешковатом комбинезоне поверх футболки он смахивал на ребенка. На ногах у него, однако, были грязные берцы, а под футболкой выпирали мышцы, накачанные и рельефные, как у боксера в полулегком весе.

– Тогда поторопитесь и покажите нам с напарником территорию, – сказала ему Кэсси.

– Марк, – подал голос Хант, – Марк, детективам надо показать территорию. Как обычно, проведешь и расскажешь.

Марк смерил Кэсси взглядом, а затем кивнул. По всей видимости, некую личную проверку она прошла. После чего он повернулся ко мне. Лет двадцати пяти, волосы собраны в длинный хвост, лицо по-лисьи узкое, с невероятно живыми зелеными глазами. Такие мужчины – те, для кого собственное мнение о других намного важнее того, что другие о них думают, – всегда внушали мне жуткую неуверенность в себе. Они сочатся такой убежденностью в собственном превосходстве, что я остро ощущаю свою бестолковость, неестественность и бесхребетность, на мне будто чужая одежда, и нахожусь я не там, где надо.

– Вам тогда резиновые сапоги нужны, – он ехидно взглянул на мою обувь, что и требовалось доказать, – в сарае есть запасные.

– Спасибо, обойдусь, – ответил я.

Я понимал, что археологи работают в выкопанных в грязи канавах глубиной в несколько футов, но мне страшно не хотелось бродить за этим чуваком, нелепо заправив брюки в чьи-то стоптанные резиновые сапоги. Мне срочно требовался какой-нибудь предлог – чашка чая, перекур, – чтобы минут пять спокойно посидеть и обдумать, как поступить дальше.

Бровь у Марка поползла вверх.

– Как скажете. Нам вон туда.

Он развернулся и зашагал между вагончиками, даже не обернувшись, чтобы удостовериться, что я следую за ним. Кэсси неожиданно ухмыльнулась – мол, вот ты и купился, и от этого мне слегка полегчало. Средним пальцем, так, чтобы Кэсси видела, я потер щеку.

Марк повел меня по территории, по узенькой тропинке между загадочными земляными сооружениями и кучами камней. Ступал он словно мастер единоборств или браконьер – шаги широкие, легкие и пружинистые.

– Средневековая сточная канава, – сказал Марк.

С раздолбанной, полной дерна тачки взлетели две вороны, но, решив, что мы неопасны, вернулись и продолжили клевать дерн.

– А это поселение эпохи неолита. Начиная с каменного века эта территория почти всегда оставалась заселенной. И до сих пор. К примеру, этот дом – он построен в восемнадцатом веке. В свое время в нем разрабатывался план Ирландского восстания 1798 года.

Марк посмотрел на меня через плечо, и я вдруг ощутил нелепое желание объяснить свой английский выговор и сказать, что я не просто ирландец – я еще и родился прямо тут, практически за углом.

– Нынешний владелец дома – потомок тех, кто этот дом построил.

Мы добрались до каменной башни в центре площадки. Посреди плюща темнели бойницы, часть разрушенной стены сползла на землю. Выглядело это до оторопи знакомо, но оттого ли, что я действительно вспомнил башню, или же я полагал, будто должен вспомнить, – этого я точно не знал.

Марк выудил из кармана пачку табака и принялся сооружать самокрутку. Ладони у него были замотаны малярной лентой.

– Центральную часть замка построил в четырнадцатом веке клан Уолшей, а в течение следующей пары столетий замок достроили, –